

Размышления об актерской профессии

НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ВЛАДИСЛАВ СТРЖЕЛЬЧИК, АКТЕР ЛЕНИНГРАДСКОГО БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО, ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АПН ВАЛЕНТИНЫ РЫЖОВОЙ.

— Что для вас является главным в вашем искусстве?

— Рождение в каждом спектакле нового человека. С особым, неповторимым душевным строем, со своей внутренней логикой, своим отношением к миру... Главное — перевоплощение в образ. Сейчас, когда актерская неизменяемость стала едва ли не принципом в искусстве, моя точка зрения может показаться старомодной, но я убежден, что перевоплощение — главный закон русского сценического искусства. И даже те, кто его сегодня отвергает, завтра все равно к нему придут.

Я понимаю перевоплощение как гармонию внутреннего и внешнего. Я одинаково не признаю форму без раскрытия сути характера и суть, не выраженную в определенной, только для этой роли найденной форме. Я считаю, что актер может пользоваться любыми доступными ему средствами. Все зависит от того, ради чего они применяются, и не внешние приемы определяют совпадение или несовпадение актера со временем, а гражданская позиция. Гражданственность не обязательно публицистичность. В психологическом искусстве она выражается через решение образа, что, кстати сказать, значительно труднее, чем высказать сформулированную идею в зал. Николай Павлович Хмелев — известный актер МХАТа, играя Каренина, ничем напрямую не выражал своего отношения к персонажу, но в самой трактовке образа — «жестокая машина» — была уже заложена оценка. Для меня такое искусство — высокий образец.

Постигать человека, разгадывать загадки человеческих характеров, увлечь зал своим пониманием образа, убедить его или вступать с ним в конфликт — вот что, с моей точки зрения, самое увлекательное в актерской профессии.

Только каждый раз надо все начинать сначала, не пользоваться уже найденным.

— Приходилось ли вам играть роли, которые вы не любили?

— Сколько угодно. Мне, например, не нравилась роль Кулыгина в чеховских «Трех сестрах». На первый взгляд это персонаж предельно ясный. Сам Чехов в письме к первому исполнителю этой роли во МХАТе назвал Кулыгина «образцовым мещанином». Меня такая категоричность начала беспокоить, и я решил обнаружить в образе что-то совершенно неожиданное. Мне это не сразу удалось. Все во мне протестовало против общепризнанного — мещанин. На одной из репетиций я даже поставил перед партнерами условие: если кто назовет Кулыгина мещанином, я брошу роль. Мне очень хотелось оправдать своего героя, он был мне чем-то симпатичен. И вдруг я понял чем — безграничной любовью к Маше. Как только я это обнаружил, мне стало легко. На такую любовь способен только хороший человек, добрый. Таким я его и играл. Я даже определил сверхзадачу образа, как «гимн любви».

— Какие из ваших ролей вы считаете для себя принципиально важными?

— Две роли сыграли важнейшую роль в моей актерской жизни: Греков и Цыганов в пьесах Горького «Враги» и «Варвары».

Греков — молодой рабочий, умный, сдержанный, волевой, убежденный и стойкий борец, уверенность которого — от знания исторической перспективы движения, от сознания силы своего класса. Роль потребовала от меня новых красок — мне нужно было спуститься с облаков романтической драматургии на землю и разобраться, что стоит за не-

многими словами, которые дал Горький моему герою. По существу, у меня в спектакле было всего две сцены. После ролей с огромными монологами мне нравилось немногословие Грекова. Я впервые за годы работы в театре понял, как много можно сказать на сцене без слов.

В «Варварах» (постановка Георгия Товстоногова) я неожиданно получил роль Цыганова, которого обычно играли пожилые актеры. Товстоногов же в этом персонаже стремился подчеркнуть старость не физическую, а душевную. По замыслу, Цыганов должен был выглядеть моложе своих сорока пяти лет. В несоответствии внешней молодости и внутренней дряхлости режиссер видел возможность углубления драматической грани образа, что было важно, так как жанр спектакля определялся как трагикомедия. Одновременно с внешним омоложением Цыганова мы искали путь раскрытия предельности его душевного опустошения. Постепенно появлялся сложный характер человека умного, незаурядного, но циничного, призванного нести в российскую глушь прогресс, а вместо этого уничтожающего вокруг себя все живое.

— Как на практике сочетается ваша самостоятельность в решении образа с режиссерской концепцией спектакля? Помогает вам режиссер или мешает?

— Последние 26 лет я работаю с прекрасным режиссером Георгием Александровичем Товстоноговым, особенность которого заключается в том, что он предоставляет актерам большую свободу и инициативу в работе. Он дает определенное направление нашей мысли и затем требует от нас только максимальной активности и самостоятельности. В нашем театре на практике осуществляется принцип сотворчества.

ГОЛОС РИГА
г. Рига

3 ДЕК 1983